

Обреченные на интерпретацию: Россия, НАТО и военно-политические кризисы постбиполярного миропорядка

Никита Яковлевич Неклюдов

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-35-60>

АННОТАЦИЯ

В исследованиях российской внешней политики существует определенный парадокс. С одной стороны, присутствует общая тенденция, усилившаяся после 2014 г., рассматривать действия России как направленные на пересмотр существующего миропорядка, построенного странами Евро-Атлантического региона по окончании холодной войны. В частности, строятся теории о риске российского ревизионизма в разных регионах: от Северной Европы и Прибалтики до Центральной Азии. С другой стороны, не раз указывалось, что страна использует сходный со странами данного региона язык оправдания своих внешнеполитических шагов. Феномен, объясняющий этот парадокс, мы называем «игрой в интерпретацию». Примером того, как Россия вовлечена в игру в интерпретацию с Западом в сложившемся постбиполярном мире, послужит анализ интерпретации Россией нормы гуманитарных интервенций. Методологически работа опирается на количественный и качественный анализ отобранных текстов, составленных из специализированных архивов и открытых информационных источников. На примере анализа российского дискурса во время участия страны в пятидневной войне (2008) автор показывает, как российское внешнеполитическое руководство воспроизводит сходные нарративные модели, к которым прибегали западные страны во время войны в Косове (1999). Иллюстрация феномена игры в интерпретацию на примере гуманитарного интервенционализма неслучайна. Зачастую в научной литературе он описывается как присущий исключительно Западу, а Россия рисуется как субъект, высказывающий либо существенную долю скепсиса по отношению к его использованию, либо как однозначный противник такого подхода в мировой политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия, НАТО, гуманитарный интервенционализм, игра в интерпретацию, дискурс-анализ

В 2017 г. известный британский политолог Р. Аллисон описал российский внешнеполитический *raison d'être* следующим образом: «Российские устремления имеют форму претензий на территориальное переустройство в Европе, а также гегемонии на большей части постсоветского пространства, которая поддерживается действиями на Украине (и не только)»¹. Такая оценка является типичной: существует общая тенденция, усилившаяся после 2014 г.,² рассматривать действия России как направленные на пересмотр существующего материального, правового и нормативного миропорядка, построенного странами Евро-Атлантического региона (далее – Запад)³ по окончании холодной войны. Известный американский политолог Д. Йост писал: «Россия отстаивает ревизионистский подход к международному праву, построенному на принципах устава ООН. Действия России подорвали доверие к давним устоям международного порядка и разрушили западное видение кооперационной безопасности в Евро-Атлантическом регионе»⁴. Более того, политолог и историк У. Мид связывает политику страны с общим трендом «подъёма ревизионистских держав»⁵. Тем не менее по прошествии пяти лет никакой рукотворной ревизии устоев мирного сосуществования государств, «экспансии России в Евразии и Европе» не случилось. Складывается впечатление, что такие исследования свидетельствуют об одномерном характере экспертных оценок действий России.

В статье автор обращает внимание на парадокс, связанный с «ревизионистской» политикой России: имея своего рода *chip on the shoulder*, толкающий её к ревизии миропорядка, Россия использует сходный с Западом язык оправдания своих внешнеполитических шагов. Такую модель поведения автор называет «игрой в интерпретацию». Примером того, как Россия вовлечена в игру в интерпретацию с Западом в сложившемся постбиполярном мире, служит стратегия по присвоению Россией дискурса гуманитарного интервенционализма, ставшего важнейшей коммуникативной частью стратегического поведения государств Евро-Атлантики по окончании холодной войны⁶. На примере анализа российско-го дискурса во время участия страны в пятидневной войне (2008) автор рассматривает, как российское внешнеполитическое руководство воспроизводит нарративные модели, к которым прибегали западные страны во время войны в Косове (1999). Автор также сознательно анализирует события 2008 г., не касаясь вопроса современного состояния нормы гуманитарных интервенций, хотя на этот счет также сложился консенсус о её объективном упадке⁷.

Иллюстрация логики игры в интерпретацию на примере нормы гуманитарных интервенций неслучайна. Зачастую в научной литературе гуманитарный интервенционализм описывается как присущий государствам Евро-Атлантического региона⁸, а Россия – как игрок, высказывающий либо существенную долю скеп-

1 Allison 2017, 542.

2 Но неограниченная этими временными рамками. См. например, известное исследование за 2009 г.: Borgen 2009.

3 Истомин, И.А. Россия Как Держава Статус-Кво // Россия в Глобальной Политике. 29 января 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kak-derzhava-status-kvo/> (дата обращения: 16.11.20).

4 Yost 2015, 506.

5 Walter Russell Mead, "The Return Of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers," Foreign Affairs, May/June 2014, accessed November 12, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics>.

6 Finnemore 1996; 2003.

7 Grono 2006; Kuperman 2013; Badescu, Bergholm 2009; Nuruzzaman 2013.

8 Bellamy 2010; 2008; Bellamy, Williams 2011; Chandler 2003; 2010; Hobson 2016; Cunliffe 2017; Etzioni 2006; Luck 2011.

сиса по отношению к его использованию¹, либо напрямую противостоящий применению данной нормы². Российская оппозиция построена на непринятии того факта, что часто под императивом гуманитарной интервенции скрывается простое продвижение геополитических интересов стран Запада: «Вмешательство по гуманитарным причинам перешло в итоге в войну до победного конца против режима С. Милошевича. Геополитические интересы НАТО и прежде всего США оказались в этом конфликте первостепенными»³.

Ключевым теоретическим инструментом анализа коммуникативной роли гуманитарного интервенционализма служит концепт *нормы*⁴. Норма, сформулированная в теории международных отношений как аналитический инструмент и самостоятельный концепт М. Финнемор и К. Сиккинг⁵, имеет довольно широкую природу: помимо описания «жизненного цикла» норм⁶, существуют исследования, посвященные влиянию распространения норм на лиц, принимающих решения⁷, на общество⁸, а также процессу адаптации и локализации норм с учетом национальных особенностей⁹. В контексте предмета анализа важно оговорить и ограничения отмеченной теоретической рамки. В частности, неясно, может ли крупное государство прибегать к той или иной норме до момента достижения наибольшей популярности нормы¹⁰, ведь исследователи зачастую описывают логику принятия норм до их популярности малыми странами и негосударственными акторами¹¹. Также имеется методологическое ограничение: как справедливо заметил Дж. Рагги¹², авторам не удастся показать процесс «социального конструирования норм при помощи анализа категориального аппарата идентичности общества», то есть на примере совмещения количественного и качественного дискурс-анализа. Встраивая работу в общий контекст исследовательских дискуссий о роли *норм* в международной политике, автор по-своему отвечает на поставленные выше вопросы. С одной стороны, Россия, присваивая себе дискурс гуманитарного интервенционализма и интерпретируя его нарративные модели в 2008 г., сделала это далеко не в момент пика популярности нормы, особенно на фоне постоянной критики действий США по отношению к бомбардировкам НАТО Косово (1999)¹³. С другой стороны, анализ дискурсов России и Запада построен на комбинировании качественного и количественного дискурс-анализа.

1 Quinton-Brown 2013.

2 См., например, высказывание В.В. Путина в начале своего президентства: «Холодная война осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия. Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом «гуманитарных» операций или, как модно сейчас говорить, “гуманитарных” интервенций». (Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 13.11.20)).

3 Khudaykulova 2017, 69. См. также: Paris 2014; Welsh 2011.

4 Zähringer 2013; Welsh 2012; Welsh 2013; Thakur, Weiss 2009; Acharya 2013; Glanville 2016; Stefan 2017.

5 Finnemore, Sikkink 1998.

6 Ibid. 1998, 895.

7 Tannenwald 1999.

8 Welles 2001.

9 Zimmermann 2016; Acharya 2004.

10 Если за такой момент выбрать 2011 г., год военной операции НАТО в Ливии, где впервые и открыто провозглашался принцип R2P без согласия на то официально признанного правительства. См. подробнее: Bellamy, Williams 2011, 847. См. также: Luck 2011; Dunne, Gifkins 2011; Bellamy, Williams 2011; Williams, Bellamy 2012; Jones 2011; Glanville 2011; Morris 2013; Tang Abomo 2019.

11 Kaufmann, Pape 1999; Ingebritsen 2002; Bilder et al. 1997; Keck, Sikkink 1998; Price 1998.

12 Ruggie 1998, 876.

13 Pouliot 2008.

Структурно статья будет выстраиваться в следующем порядке. Вначале мы рассмотрим блок текстов, в которых рассматривается норма гуманитарных интервенций, ставшая важным элементом стратегического поведения государств Евро-Атлантики, посмотрим, почему в этих работах Россия рассматривается как «исключенный» игрок. Во-вторых, мы более подробно остановимся на имидже России как ревизионистской державы. В-третьих, мы детально рассмотрим методологию исследования, её особенности и ограничения. Наконец, в-четвертых, мы проанализируем дискурс Запада во время войны в Косове (1999) и дискурс России во время пятидневной войны (2008).

Рефлексия нормы гуманитарной интервенции различными игроками: каково место России?

Исследования нормы гуманитарного вмешательства¹ строятся из допущения, что государства стали руководствоваться этическими принципами в мировой политике, во многом дистанцируясь от уходящих в прошлое «реалистских» принципов² и постепенно приближаясь к осознанию необходимости проведения интервенций для предотвращения тяжелых гуманитарных последствий внутриполитических конфликтов в мире. Однако не существует консенсуса, когда вмешательство вопреки воле суверенного государства стало восприниматься международным сообществом в качестве нормы внешнеполитического поведения³.

Сторонники условно первого подхода указывают на постепенный прогресс международного сообщества в сторону следования идеалам этической внешней политики, заложенным Всеобщей декларацией прав человека (1948) и Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1951)⁴. Вскоре после создания международных институтов ООН функцию продвижения этических норм в мировой политике взяли на себя влиятельные неправительственные организации⁵. В условиях жесткого идеологического противостояния холодной войны такие организации сосредотачивали свою деятельность на фиксировании нарушений прав человека со стороны иностранных правительств⁶.

Сторонники условно второго подхода полагают, что по окончании холодной войны в мировой политике произошли системные изменения: трансформации подверглись не только институты, влияющие на межгосударственные связи, но и язык политики. Причиной вышеуказанных событий является тенденция к частичному⁷ размыванию в 1990-х гг. «вестфальского суверенитета»⁸, росту внимания к правам индивидов. Эти новые реалии вылились в дискуссии об антропологизации конфликта, то есть уделении особого внимания международного сообщества безопасности некомбатантов во внутригосударственном военном конфликте⁹.

1 В статье мы используем «гуманитарное вмешательство», «гуманитарный интервенционализм», «гуманитарная интервенция» как синонимы.

2 Booth et al. 2001; Smith, Light 2001.

3 Chandler 2003, 298.

4 Ignatieff 1999; Corell 1997; Mills 1998.

5 Posner 1997; Burgerman 1998.

6 Mutua 1996, 622.

7 Krasner 2001.

8 Krasner 1999, 4.

9 Weiss 1999; Kaldor 2013; Jackson 1993.

Несмотря на разные трактовки истоков развития нормы ответственности международного сообщества за действия национальных правительств, большинство придерживается мнения, что именно в 1990-е гг. всё большее число акторов стало поддерживать гуманитарный интервенционализм¹. Также разделяется консенсус, что первый случай реализации такой нормы в качестве разделяемой государствами Евро-Атлантического региона стала война в Косове (1999): «После интервенции Организации Североатлантического договора (НАТО) в Косово в 1999 г. гуманитарная интервенция, возможно, стала нормой международного общества»².

Также ассоциация сложившейся нормы с Западом в литературе происходит за счет довольно четкого выделения клуба «несогласных» с ней³. Закрепление данной нормы в виде принципа «ответственности по защите» (R2P) в международных документах сопровождалось дискуссиями в стенах ООН, в результате которых государства Азии и арабского мира не поддержали её в качестве готовящейся резолюции Генеральной ассамблеи⁴, а после её принятия (2005) и одобрения Советом Безопасности ООН (2006) не раз утверждалось, что принцип R2P легитимирует военное вмешательство потенциально без надобности санкции ООН⁵. С. Стедман (советник К. Аннана) писал, что в результате одобрения резолюции Всемирного саммита ООН родилась «новая норма для легализации гуманитарной интервенции»⁶. Подобный императив критиковался странами не-Запада по целому ряду направлений. П. Браун⁷ выделяет несколько ключевых аргументов, которые использовали страны не-Запада для критики сложившегося принципа.

Во-первых, представители разных стран утверждали, что принцип R2P может быть использован крупными державами, прежде всего США, для реализации своих узких интересов: «Мы все знаем, что даже после 2005 г. предпринимались попытки нечестно использовать принцип «ответственности по защите», в том числе на самом высоком уровне в международном сообществе»⁸. Во-вторых, критики принципа заявляли, что его идейные основания идут вразрез традиционной концепции суверенитета (либо в более «радикальном ключе» понимания суверенитета как права в том числе на неограниченное насилие, либо в «умеренном ключе» как независимости в международных делах). В этом смысле часто подчеркивалось, что принцип R2P, должен исполняться, прежде всего, самими национальными государствами по отношению к своему населению⁹. В-третьих, страны не-Запада часто говорили о недопустимости злоупотребления военной

1 Orford 2003.

2 Bulley 2010, 443.

3 Вообще разделение государств по признаку принятия/непринятия широко разделяемых норм характерно для конструктивистской литературы. Так, Т. Хопф утверждает, что пространство (широко) разделяемых норм (в его научном аппарате: гегемонистская идеология) способно *включать / исключать* государства (см. подробнее: Allan et al. 2018, 11). О логике бинарных противоречий Субъекта нормативной гегемонии (идеологии, норм, коллективной идентичности) и фигуры Другого писали А. Вендт и многие другие теоретики в области МО. См. подробнее: Wendt 1999, 224–30; Neumann 2008a; 2008b; Neumann, Pouliot 2011.

4 Bellamy 2008, 615–16.

5 Bannon 2006.

6 Stedman 2007, 938.

7 Quinton-Brown 2013.

8 "A/63/PV.99," United Nations (UNDOCS), accessed November 13, 2020, <https://undocs.org/A/63/PV.99>.

9 "S/PV.6650," United Nations (UNDOCS), accessed November 13, 2020, <https://undocs.org/S/PV.6650>; "S/PV.5781," United Nations (UNDOCS), accessed November 13, 2020, <https://undocs.org/en/S/PV.5781>.

силой для разрешения внутригосударственных, «сложных» конфликтов ввиду того, что это влечет за собой риск преумножения жертв. Так, выступая в стенах ООН, представитель Катара обратил внимание, что «применение универсального решения проблемы защиты гражданских лиц в вооруженном конфликте ведет к риску, скорее, увеличить, чем уменьшить число жертв среди гражданского населения»¹. Наконец, в-четвертых, в своей критике страны не-Запада часто прибегали к «колониальному» дискурсу, говоря, что Запад использует R2P в качестве скрытого продолжения политики колониализма. В разное время об этом говорили представители Кубы, Венесуэлы, Пакистана².

Логика ревизионизма и игры в интерпретацию в российском стратегическом поведении

Российскую политику часто описывают как ревизионистскую. Отмечается, что Россия, ограничившись различными формами диалоговых форматов, слабо встроена в западные институты. Вразрез российским интересам происходили расширения НАТО и Европейского союза, организовывались «цветные революции», совершались агрессии против Косово (1999), Ирака (2003), Ливии (2011). Не раз указывалось, что в 2008 г., во время грузинской войны³, и в 2014 г., во время украинского кризиса⁴, Россия предприняла попытки пересмотреть общие правила игры, еще раз продемонстрировав стремление к полицентричному миру.

Например, в своей работе У. Мид описывает российский ревизионизм в контексте как классического реализма (борьба за сферы влияния), так и в рамках нормативного вызова странам коллективного Запада⁵. По мнению автора, российский ревизионизм движим отсутствием желания у страны к модернизации. Более умеренную позицию высказывает Р. Саква⁶, называя российскую политику неоревизионистской (совмещение черт приверженности статус-кво и элементов критики отдельных норм неолиберального мирового порядка, в частности, западных норм гуманитарных интервенций и цветных революций). Стратегию России во время пятидневной войны и украинского кризиса известный британский политолог Р. Аллисон также рассматривает как ревизионистскую, говоря о намеренном искажении Россией обычного международного права и права народов на самоопределение⁷. Российский ревизионизм описывается в качестве стратегии, направленной на создание нового Евразийского государства в пределах СССР при помощи либо полной инкорпорации Украины⁸, либо пересмотра границ на постсоветском пространстве⁹, либо дальнейшего распространения своего влияния, в том числе включая военную силу, на остальные страны бывшего СССР: Прибал-

1 "S/PV.5476," United Nations (UNDOCS), accessed November 13, 2020, <https://undocs.org/en/S/PV.5476>.

2 Quinton-Brown 2013, 272.

3 Bowker 2011; Mikhelidze 2009.

4 Allison 2014; Ivan Krastsev, "Russian Revisionism. Putin's Plan For Overturning the European Order," Foreign Affairs, March 3, 2014, accessed November 12, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-03-03/russian-revisionism>.

5 Walter Russell Mead, "The Return Of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers," Foreign Affairs, May/June 2014, accessed November 12, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics>.

6 Sakwa 2015a; 2015b.

7 Allison 2017, 540.

8 Braun 2014, 38.

9 Gustav Gressel, "Russia Quiet Military Revolution and What It Means for Europe," European Council on Foreign Policy, October 2015, accessed November 13, 2020, https://www.ecfr.eu/page/-/Russias_Quiet_Military_Revolution.pdf.

тику¹, Казахстан, Молдову². Довольно малочисленными остаются работы, доказывающие что мотивация российской политики прямо направлена на слом западного миропорядка: М. Гессен описывает Россию как «лидера антизападного мира»³, У. Спек – как архитектора «альтернативного мирового порядка»⁴. Другие авторы смотрят на российскую политику как на проект создания альтернативной, построенной не на западных институтах архитектуры безопасности⁵. Иногда в таких работах авторы оперируют в том числе и исследованиями российской идентичности (в частности, приводится аргументация о том, что «евразийская идентичность», а также подъем российского национализма формируют в России настроения ирредентизма и детерминируют российскую экспансионистскую внешнюю политику)⁶.

Ревизионизм предполагает не просто отрицание доминирующих норм, но и изобретение непохожих ни на что риторических формул (и новых ценностных ориентаций)⁷. Однако анализ риторики России во время пятидневной войны 2008 г. говорит о том, что в российском дискурсе успешно воспроизводятся нарративные модели, идентичные западному политическому дискурсу во время войны в Косове (1999). Этот феномен автор называет игрой в интерпретацию. Интерпретация в этом случае не является простым принципом взаимодействия субъектов в социальной среде. Прежде всего под игрой в интерпретацию автор подразумевает *стратегию по присвоению вербальных практик, признанных успешными*. Присвоение как феномен социальной жизни не раз подчеркивался и в литературе по международным отношениям. К. Уолц писал, что «если государство успешно в мировой политике, другие будут имитировать его поведение»⁸. Присвоение тем не менее никогда не может быть простым копированием поведенческих особенностей. Э. Адлер подчеркивал, что в любом повторении действий у актора социальных отношений остаётся место для вольного интерпретирования поведения⁹. В. Пьюлэ утверждает, что изменения, а не повторяемость формируют каждодневные социальные взаимодействия¹⁰. Р. Розенкранц в этом контексте упоминает о «социальном познании» (*social learning*), являющимся основой социального взаимодействия и совмещающим в себе и присвоение, и интерпретацию¹¹ отдельных практик государств.

Как мы увидим далее, Россия успешно инкорпорировала западные нормы гуманитарного вмешательства, превратив их в самостоятельный внешнеполитический

- 1 "Deterring Russian Aggression in the Baltic States Through Resilience and Resistance," RAND, accessed December 8, 2020, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2779.html.
- 2 Vladimir Socor, "Putin's Crimea Speech: A Manifesto of Greater-Russia Irredentism," Eurasian Daily Monitor, accessed November 13, 2020, <https://jamestown.org/program/putins-crimea-speech-a-manifesto-of-greater-russia-irredentism/>; Ben Farmer, "Putin Will Target the Baltic Next," The Telegraph, accessed November 13, 2020, <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/11421751/Putin-will-target-the-Baltic-next-Defence-Secretary-wa>.
- 3 Masha Gessen, "Russia Is Remaking Itself as the Leader of the Anti-Western World," The Washington Post, accessed November 13, 2020, https://www.washingtonpost.com/opinions/russia-is-remaking-itself-as-the-leader-of-the-anti-western-world/2014/03/30/8461f548-b681-11e3-8cc3-d4bf596577eb_story.html.
- 4 Ulrich Speck, "Russia's Challenge to the International Order," Carnegie Endowment for International Peace, accessed November 13, 2020, <https://carnegieeurope.eu/2015/08/13/russia-s-challenge-to-international-order-pub-61059>.
- 5 Stephen Blank, "Russia's Vladimir Putin Clearly Wants to Dominate All of Europe," The Washington Post, accessed November 13, 2020, <https://www.washingtonpost.com/news/2014/dec/28/stephen-blank-vladimir-putin-ukraine-objective-is-/>.
- 6 Henry Hale, "Russian Nationalism and the Logic of the Kremlin's Actions on Ukraine," The Guardian, accessed November 13, 2020, <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/29/russian-nationalism-kremlin-actions-ukraine>; Laruelle 2012; Ivan Netchepurenko, "How Nationalism Came to Dominate Russia's Political Mainstream," The Moscow Times, accessed November 13, 2020, <https://www.themoscowtimes.com/2014/08/03/how-nationalism-came-to-dominate-russias-political-mainstream-a37957>.
- 7 Allan et al. 2018, 16.
- 8 Waltz 1979, 118. О стратегии имитации в реалистской парадигме см.: Brooks 1997.
- 9 Adler, Pouliot 2011, 7. См. также Hopf 2018.
- 10 Ibid. 11. См. также: Doty 1997; Pouliot, Cornut 2015.
- 11 Rosencrance 1986, 160, 185, 186, 212–213, 215.

дискурс. Несмотря на то что во время уже непосредственного участия в военных конфликтах российским руководством будет воспроизводиться семантика схожих категорий «гуманитарной катастрофы», «геноцида», «репрессивного режима» (например, Саакашвили в 2008 г., Каддафи в 2011 г., «майданных властей» в 2014 г.), интерпретация таких норм будет своеобразной: в российском дискурсе сохранится *апелляция к ООН как источнику международного права*, хотя в западном дискурсе таким источником выступает широкий спектр международных договоров и деклараций. В частности, независимость Косово будет считаться как казус, не соответствующий международному праву¹. Также российский формат проведения военных операций часто будет называться *миротворчеством*, что редко встречается в западном дискурсе: например, в источниках НАТО военная активность блока называется просто «военными операциями» или «мерами по управлению конфликтами».

Во время пятидневной войны Россия прибегала к сходным нормативным установкам и императивам. Например, внешнеполитическое руководство страны говорило, что её участие в конфликте является необходимым, хотя и вынужденным. Российский истеблишмент не раз обвинял «режим Саакашвили» в проведении политики геноцида в отношении населения Южной Осетии и Абхазии. Эти меры описывались как продолжение систематичной репрессивной политики Тбилиси в отношении регионов начиная с 90-х гг.² Участие России в конфликте связывалось с необходимостью остановить развивающуюся «гуманитарную катастрофу» и «агрессию против мирных граждан Осетии и Абхазии»³, а также с необходимостью защитить русскоговорящее население регионов и российских граждан от преследований Тбилиси. В этом отношении примечательно, что репрессивные режимы сравниваются с фигурой А. Гитлера: западные страны не раз ставили в один ряд действия С. Милошевича с политикой геноцида гитлеровского вермахта, тогда как российский истеблишмент использовал сходные сравнения действий М. Саакашвили с действиями А. Гитлера⁴. Безусловно, как было отмечено выше, российский внешнеполитический дискурс использовал интерпретированные нормы: подчеркнуто говорилось о соответствии действий России международному праву (что прослеживается гораздо реже в НАТО касательно, например, косовской войны) в рамках миротворческого мандата, а также использовались аргументы, что Россия придерживается принципа самообороны⁵.

Дизайн исследования

В работах конструктивистов, исследующих категориальный аппарат идентичности, доминируют два метода: дискурс-анализ⁶ и методики количе-

1 Фомин 2014.

2 Allison 2009.

3 Tuathail 2008, 689.

4 Ibid., 697.

5 Allison 2009, 176.

6 В строго научном смысле слова, дискурс-анализ является не методом, а скорее совокупностью теоретических предпосылок и различных методик. Дискурс-анализ направлен на выявление составляющих идентичность языковых единиц, являющихся ежедневным операционным инструментом взаимоотношения социальных субъектов. Подход дискурс-анализа сосредоточен вокруг исследования «реальных» языковых практик, а также их индивидуальных особенностей (последовательность речи, повторяемость слов и богатство синонимичного ряда, риторические техники и проч.). С учётом целей данного исследования, важно отметить критический подход к дискурс-анализу и идее интертекстуальности: представители критического дискурс-анализа рассматривают язык как социальную практику. См. подробнее: Jørgensen, Phillips 2002; Gee 2013; van Dijk 2007; Fairclough 2013.

ственного подсчета и сопоставлений категорий идентичности. Важным методологическим компонентом работы, помимо указанных выше, является инструментарий семиотического анализа, ориентированного на изучение *образов государств*¹.

К каждому из отобранных текстов в источниковую базу (ИБ) применялась трехчастная модель исследования. *Во-первых*, был произведен первичный анализ текстов². После отбора репрезентативных, с точки зрения исследования дискурса, текстов последовал их разбор на предмет наличия ключевых, магистральных дискурсов. Например, для речи Лорда Дж. Робертсона, генерального секретаря НАТО (1999–2004), «Косово: спустя год военной операции НАТО»³ такими дискурсами стали: а) преступления режима С. Милошевича, б) причины военной операции НАТО в 1999 г. После определения ключевых дискурсов было подсчитано количество слов в текстах, выявлена общая сумма их употребления при помощи специального программного обеспечения *Voyant Tools*⁴. Далее автором осуществляется первичное кодирование искомых категорий каждого дискурса. Для наглядности приводится таблица, заполненная искомыми категориями дискурса операции НАТО из предложенной выше

Таблица 1.

**ПЕРВИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ
PRELIMINARY ENCODING OF THE SEARCHED CATEGORIES**

Дискурс	Объект	Субъект	Категория действия
«операция НАТО» (5) «Объединенная сила» (2)	«Косово» (34), «ситуация в Косово» (2), «кризис» (10), европейский кризис» (2), «военный конфликт» (1),	«НАТО» (27), «мы» (51), «атлантическое сообщество» (2),	«уникальная операция» (2), «управление конфликтом» (4) «мы победили» (1), «соответствует международному праву» (1), «оправдана моралью» (4), «не было выбора» (1), «защита населения» (1)
«операция НАТО» (5) «Объединенная сила» (2)	«гражданские» (3), «люди» (3)	«вооруженные силы Сербии» (4), «государство Сербия» (3)	«этнические чистки» (4), «депортации» (1), «национализм» (1), военные преступления» (2)

Источник: составлено автором на основании работы в ПО *Voyant Tools*.

- 1 Фомин 2012; 2014; Leeuwen 2008; 1995.
- 2 Блок официальных стенограмм выступлений, пресс-конференций, обращений, интервью президентов РФ: В.В. Путина и Д.А. Медведева. Источники формировались с сайта *Президент России* (Выступления, встречи // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts> (дата обращения: 22.04.2020)); блок официальных стенограмм выступлений, пресс-конференций, обращений, интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. Источники формировались с сайта МИД России (Речи Министра иностранных дел России // МИД России. [Электронный доступ]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches (дата обращения: 22.04.2020)); блок официальных стенограмм выступлений, пресс-конференций, сессий вопрос-ответ официальных представителей НАТО. Источники формировались из архива НАТО (до 2008) ("NATO Archive, E-library," News Room Archive (pre 2008), accessed April 22, 2020, <https://www.nato.int/cps/en/natohq/68944.htm>); блока официальных стенограмм выступлений, пресс-конференций, сессий вопрос-ответ официальных представителей Государственного департамента США. Источники формировались из архивов сайтов американских президентов: У.Дж. Клинтона: "US Department of State (1997-2001)," accessed April 22, 2020, <https://1997-2001.state.gov/index.htm>; Дж.У. Буша: "US Department of State (2001-2009)," accessed April 22, 2020, <https://2001-2009.state.gov/index.htm>; Б.Х. Обамы: "US Department of State (2009-2017)," accessed April 22, 2020, <https://2009-2017.state.gov/index.htm>.
- 3 "Kosovo: One Year on" – Address by The Rt. Hon. Lord Robertson, Secretary General of NATO At The Club of Three Luncheon," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s000630a.htm>. Каждое ключевое слово здесь и далее автор называет «категорией», обоснованием чего служит аргумент постструктуралистских исследований, что искомая языковая единица является категорией структурирования социальной реальности (van Dijk 2007).
- 4 "Voyant Tools Online," accessed November 12, 2020, <https://voyant-tools.org/?corpus=c200038959d7bfa020d0b937e27727e0>. О применении данного ПО в социальных науках см.: Black 2016.

речи Дж. Робертсона, а также его же речи за месяц до этого: «Право, мораль и применение силы»¹ (Таблица 1).

Таблица представляет собой простую модель действия, у которого имеется объект, субъект и языковые единицы, так или иначе описывающее действие. Числа, указанные в скобках, показывают количество употреблений тех или иных категорий. Каждое употребление проверяется двухфакторным способом: грубый подсчет словосочетания, а затем контекстуальная верификация. Например, всего в текстах слово «кризис» употребляется 10 раз, европ*² – 15. Из этого числа словосочетание «европейский кризис» употребляется дважды. Контекстуальная верификация позволяет установить, действительно ли «европейский кризис» употребляется в контексте Косово (Рисунок 1).

Рисунок 1.

ПРИМЕР ВЫЯВЛЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ИСКОМОЙ КАТЕГОРИИ AN EXAMPLE OF IDENTIFYING THE CONTEXTUAL USE OF THE SEARCHED CATEGORY

The screenshot displays the Voyant Tools interface. At the top, there are tabs for 'Document Terms' and 'Collocates'. Below this is a table with columns 'Term', 'Collocate', and 'Count (context)'. The table lists various terms and their collocations with counts. For example, 'crisis' is associated with 'europe' (count 2), 'eu' (count 2), and 'krisis' (count 1). Below the table, there is a section for 'Contexts' showing a list of text snippets with 'crisis' highlighted in a box. The snippets include phrases like 'engagement -- I know of no', 'it will be the last', 'in Europe. So another crucial', 'stand on its own. The Kosovars must know that if they do not seize this chance, they won't get another one.', 'Third, we must also look beyond Kosovo. We all hope that Kosovo was an exceptional case, but it would be naïve to believe that it will be the last crisis in Europe. So another crucial task is to enhance further our crisis prevention tools. We are currently tailoring elements of the Partnership for Peace and the Euro-Atlantic Partnership Council towards supporting the objectives of the Stability Pact. This shows how useful these mechanisms have become. But there is even', 'is to enhance further our', and 'prevention tools. We are currently'. At the bottom, there is a search bar with 'crisis*' and a dropdown menu showing '7 context' and an 'expand' button.

Term	Collocate	Count (context)
☐ crisis	europe	2
☐ europe	win	2
☐ europe	term	2
☐ europe	long	2
☒ europe	crisis	2
☐ eu	operations	2
☐ eu	led	2
☐ eu	eu	2
☐ eu	allies	2
☐ kosovo	wake	1
☐ kosovo	turn	1
☐ kosovo	tasking	1
☐ kosovo	situation	1
☐ kosovo	similar	1
☐ kosovo	expression	1

263 context

Contexts

Left Term Right

1) engagement -- I know of no crisis that was resolved by debating

1) it will be the last crisis in Europe. So another crucial

stand on its own. The Kosovars must know that if they do not seize this chance, they won't get another one.

Third, we must also look beyond Kosovo. We all hope that Kosovo was an exceptional case, but it would be naïve to believe that it will be the last crisis in Europe. So another crucial task is to enhance further our crisis prevention tools. We are currently tailoring elements of the Partnership for Peace and the Euro-Atlantic Partnership Council towards supporting the objectives of the Stability Pact. This shows how useful these mechanisms have become. But there is even

1) is to enhance further our crisis prevention tools. We are currently

crisis* x

7 context expand

Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

Во-вторых, после первичного подсчета данных составляется общая корреляционная связь искомых категорий для вторичной верификации устойчивости выявленного на первом этапе дискурса. Прочность связи проверяется автоматическим составлением «смысловой сети» или составлением графика динамики употребления категорий во времени. Важно отметить, с точки зрения принципа работы ПО, в графике наложение кривых или столбчатых диаграмм свидетельствует о контекстуальной корреляции искомых категорий в

1 " 'Law, Morality and the Use of Force' – Speech by Lord Robertson, NATO Secretary General, at the Institut de Relations Internationales et Stratigiques (IRIS) in Paris," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s000516a.htm>.

2 Символ * означает, что в слове заложены все возможные склонения и спряжения.

предложении в подобранном тексте, если это подтверждает контекстуальная верификация.

Наконец, *в-третьих*, количественная верификация устойчивости употребления ключевых категорий в рамках искомого дискурса позволяет перейти непосредственно к критическому дискурс-анализу (КДА). Наиболее подходящей методикой КДА в рамках проводимого анализа является анализ вербальных стратегий репрезентации образов, описанной исследователем Т. Ван Левином¹. Она представляет собой список наиболее часто встречающихся описательных единиц, формирующих «образ» искомой категории². «Образ» искомой категории, например, образ Косово в западном дискурсе, образ Южной Осетии, русскоязычного населения и др. в российском, сужает исследовательское поле, превращает КДА в конкретный и прозрачный инструмент анализа поведения государства в конфликте, а также даёт возможность *сравнить* дискурсы разных объектов в том или ином конфликте.

Россия и игра в интерпретацию

В рамках исследования первой «корзины» источников было агрегировано 216³ документов стенограмм выступлений, интервью и пресс-подходов официальных лиц НАТО и Государственного департамента США. После первичного анализа документов ключевыми дискурсами оказались: а) причины операции НАТО в Югославии (2) б) вопрос независимости Косово. Самыми употребляемыми словами оказались «НАТО» (1992 упоминания), «Косово» (1556 упоминания), «Безопасность» (1142 упоминания), «Европа (1022 упоминания), «Население» (833 упоминания) «Россия» (706 упоминаний) и т.д. Первичное кодирование искомым категориям в рамках дискурсов операции НАТО против Югославии, а также признания независимости Косово рядом европейских стран суммировано в Таблице 2.

Если представить эволюцию дискурса о вооруженном вмешательстве НАТО в Югославию, а также о признании независимости Косово хронологически (1998–2008), то заметны некоторые тенденции. Относительно динамики дискурса «преступлений против человечности» анализ показывает, что данная категория идентичности Запада появляется в 1999 г.: подавляющее число упоминаний приходится на период 1999 и 2000 гг. В 1998 г. категория «преступлений против человечности» и «этнических чисток» встречается 1 раз в речи генерального секретаря НАТО Х. Солана в Вене⁴. Подавляющее большинство таких упоминаний (94) в 1999 г. объясняет начало вооруженной интервенции.

Начиная с 1999 г. и вплоть до 2008 г., когда дискуссия на Западе перешла к рефлексии факта признания независимости Косово, гуманитарные цели опе-

1 Leeuwen 2008; 1995.

2 Ранее это применялось в исследованиях отечественного автора, результаты которого частично будут совпадать с данным исследованием: Фомин 2014.

3 Наибольшее число источников. Диктуется необходимостью исследовать продолжительный период истории: 1998–2008 гг.

4 " 'Confronting the Security Challenges of the New NATO' - Keynote Address by Dr. Javier Solana, NATO Secretary General at the XVth NATO Workshop, Vienna," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1998/s980622a.htm>.

Таблица 2.

**ПЕРВИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ
PRELIMINARY ENCODING OF THE SEARCHED CATEGORIES**

Дискурс	Объект	Субъект	Категория действия
«операция НАТО» (53)¹ «косовская операция» (26) «косовская миссия» (31) «союзная сила» (16)	«люди» (51), «гражданское население Косово» (23) «беженцы Косово» (32)	«режим» (70), «власть в Сербии» (83), «сербский режим» (28), «Милошевич» (249)	«геноцид» (36), «преступления против человечности» (38), «военные преступления» (125), «государственные преступления» (37), «концентрационные лагеря» (7), «этнические чистки» (110), «сексуальное насилие (46)»
«операция НАТО» (53) «косовская операция» (26) «косовская миссия» (31) «союзная сила» (16)	«Белград» (114), «Югославия» (144), «Милошевич» (149)	«вооруженные силы НАТО» (108), «воздушная операция НАТО» (86), «силы США» (65), «вооруженный контингент США» (30)	«в соответствие с международным правом» (16), «вынуждены были действовать» (5), «не было выбора» (5), «защита населения (32) / прав (21)», «справедливая война (3)», «остановить насилие (6) / этнические чистки» (6)
«независимость» (111) «суверенитет» (3)	«Косово» (22), «декларация независимости» (15)	«мы» (29) ²	«признали» (5) «поддержали» (2) «окончило насилие (8)», «важный документ (19)», «единственный возможный вариант (4)», «долгий путь к (3)», «обдуманное решение о (2)», «борьба за (3)»

1 Ключевые слова «вторжение», «агрессия» встречаются 45 раз, все – по поводу операции России по принуждению Грузии к миру.

2 Встречается в текстах как официальных представителей НАТО, так и США. Логично предположить, что речь идет о собирательной категории западной идентичности.

Источник: составлено автором на основании работы в ПО *Voyant Tools*.

рации оправдывались военными преступлениями, совершенными кабинетом С. Милошевича. Что касается дискурса «мы не могли не вмешаться», прослеживается та же динамика. Все объяснительные категории приходятся на 1999 г. В 1998 и 2008 гг., что удивительно, тема альтернативности, распутия в западном дискурсе относится и к России: в 1998 г. конструкция «we had/ (no)/ choice» относится к формулировке: «Мы отвергли развилку: либо расширение НАТО, либо хорошие отношения с Россией»¹, а в 2008 г.: «Если мы потеряем нынешнюю воз-

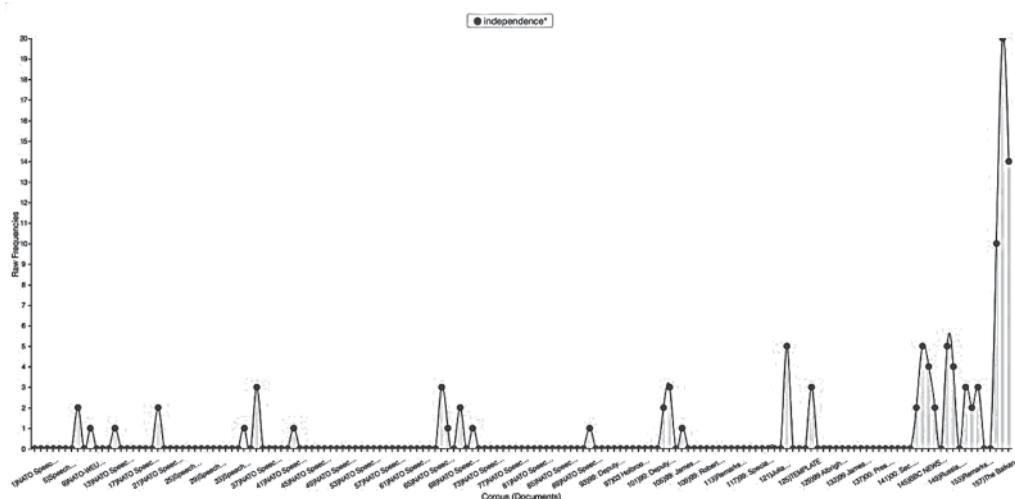
1 "Speech by Secretary General Javier Solana at the Polish Parliament, Warsaw," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1998/s980122a.htm>.

возможность обеспечить будущее России и связать его с Западом, мы можем заплатить большую цену в будущем. Поэтому у нас нет иного выбора, кроме как продолжать взаимодействовать с Россией»¹.

Парадоксальной выглядит динамика дискурса Запада в отношении признания независимости Косова (динамика представлена на Рисунке 3). Несмотря на то, что декларация независимости описывалась как озаменовавшая «исторический момент»² «необратимого»³ движения населения Косово к свободе и независимости, до 2008 г. идея независимости Косово никак не фигурировала в официальных документах. Более того, официальные представители НАТО, Государственного департамента США не раз высказывались о том, что Косово необходимо дать автономию, но никак не признать его независимость: «В Косово наша задача отличается в одном очевидном отношении: мы приостановили полномочия Белграда как управляющего органа над этим краем. Но это не значит, что мы поддерживаем независимость Косово»⁴. Во многом, упоминание независимости Косово до 2008 г. связано с опровержением стремления Запада поддержать сепаратизм на Балканах.

Рисунок 2.

ДИНАМИКА ДИСКУРСА НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО DYNAMICS OF THE DISCOURSE OF KOSOVO'S INDEPENDENCE

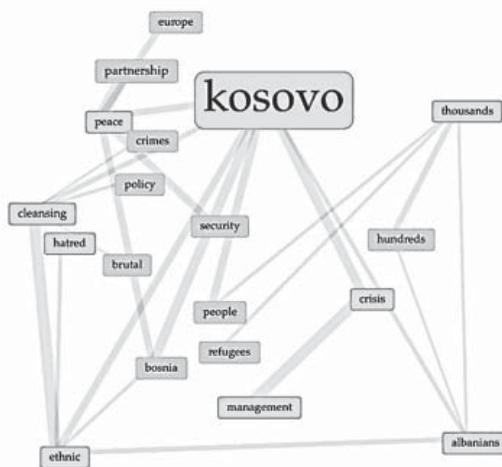
Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

«Смысловая сеть» ключевых категорий, с которыми коррелирует слово «Косово» выглядит следующим образом:

- 1 "Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund," US Department of State (2001–2009), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1998/s980122a.htm>.
- 2 Например: "Remarks with Kosovo President Fatmir Sejdiu and Kosovo Prime Minister Hashim Thaci," US Department of State (2001–2009), accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/07/107225.htm>.
- 3 Например: "The Balkans After the Independence of Kosovo and on the Eve of NATO Enlargement" US State Department, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/102136.htm>.
- 4 Например: "Strobe Talbott, Aspen Institute, Aspen, Colorado (The Balkan Question and the European Answer)," US State Department (1997–2001), accessed November 12, 2020, https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1999/990824_talbott_aspen.html.

Рисунок 3.

«СМЫСЛОВАЯ СЕТЬ» КАТЕГОРИИ «КОСОВО»
THE SEMANTIC WEB OF THE "KOSOVO" CATEGORY

Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

«Смысловая сеть» формируется на основании автоматического анализа наиболее частотной корреляции искомого слова (в нашем случае, «Косово»). Толщина линии зависит от количества прямых корреляций (чем толще, тем прочнее корреляция). Цвет категорий варьируется от способа осуществления поискового запроса: желтые категории высвечиваются автоматически, синие – выявляются ручным способом. В рамках интерпретации «смысловой сети» категории «Косово» можно установить, что Запад активно говорит о кризисе Косово как о случае этнических чисток и проявлении ненависти по этническому признаку, осуществляемых в рамках государственной политики Белграда: десятки тысяч албанцев подвергнуты репрессивной политике и вынуждены бежать из мест своего постоянного проживания. Кризис в Косово рассматривается не только как пример вынужденного реагирования военного блока НАТО, но и как проверка альянса на способность урегулировать кризисные ситуации (*crisis management*): «Мы открыли нашу организацию для новых членов. Мы построили новые отношения доверия и сотрудничества с Россией. Мы взяли на себя ответственность по проведению крупной операции по урегулированию конфликта на Балканах»¹. Важной частью смыслового наполнения дискурса Запада о Косово остаётся Россия. Было установлено, что ключевыми корреляционными словами с категорией «Россия» являются: «отношения» (62), «новые» (33), «партнерство» (28), «безопасность» (24). Можно сделать вывод, что Россия практически всегда (за исключением 2008 г., когда в документах стали обсуждаться действия России в отношении Грузии) описывается в позитивном ключе.

Количественный анализ, проделанный в отношении ИБ по тематике Косово, даёт возможность перейти к дискурс-анализу. Что касается образа Косово, изуче-

1 " 'NATO and the Challenges of Security in the Euro-Atlantic area' – Speech by the NATO Secretary General in Austria, Vienna," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s001102b.htm>.

ние официальных источников, в которых упоминается «Косово», четко показывает наличие двух магистральных образов: население (объект гонений сербских властей¹; беженцы²; платит цену за преступления сербского режима³; подвергается репрессиям⁴, геноциду⁵, военным преступлениям⁶, этническим чисткам⁷ со стороны режима Милошевича; ведет себя мирно⁸) албанского происхождения и *сам край Косово* (место, где разворачивается кризис⁹ европейской архитектуры безопасности¹⁰, место воздушной операции НАТО¹¹, успешный пример управления кризисом¹², объявил о независимости¹³, которую Запад приветствует¹⁴ и признаёт (что было трудным решением¹⁵)).

Каждому образу присущ четкий набор действий, который практически не пересекается. Цельный образ Косово распадается на два параллельных: образ *населения*, подвергающегося карательным действиям режима в Белграде, а также образ места, в котором разворачивается европейский кризис безопасности, преодоленный успешными действиями НАТО. Примечательно, что практически до 2008 г. народ Косово не является действующим лицом: он остается пассивным адресатом репрессивной политики сербов. С 2008 г. возникает образ активного гражданина Косово, стремящегося к независимости, выстраиванию демократических институтов и свободе¹⁶.

В рамках исследования российского дискурса военных действий в отношении Грузии, а также независимости Южной Осетии и Абхазии было проанализировано 53 официальных документа стенограмм выступлений, пресс-конференций, интервью министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, а также президента РФ

- 1 Здесь и далее черты образа проиллюстрированы отдельными примерами: "J.D. Bindenagel (Remarks to Ebert Foundation seminar on the German Foundation)," US Department (1997–2001), accessed November 12, 2020, https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1999/991101_bindenagel_holoc.html.
- 2 "Press Conference given by the NATO Secretary General, Mr Javier Solana, and the British Prime Minister, Mr Tony Blair," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s990420a.htm>.
- 3 "Address by His Excellency Jerzy Buzek Prime Minister of the Republic of Poland, at the NAC Meeting and NATO's Flag Raising Ceremony," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s990316e.htm>.
- 4 "Lessons learned from Bosnia' – Speech by Dr. Javier Solana, NATO Secretary General, at The Instituto De Defesa Nacional, Portugal," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s990312a.htm>.
- 5 "Harold Hongju Koh, David Scheffer, and James F. Dobbins, Press Briefing on the State Department's Report, 'Ethnic Cleansing In Kosovo: An Accounting'," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1999/991209_kohetal_kosovo.html.
- 6 "Press Conference by Jamie Shea and the Albanian Prime Minister, Mr. Majko," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s990521a.htm>.
- 7 "Speech by the Secretary General in the Bulgarian Parliament Building, Sofia, Bulgaria," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s990708a.htm>.
- 8 "C-SPAN Interview on Kosovo," US Department of State (2001–2009), accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/101386.htm>.
- 9 "A European Security and Defence Identity within NATO' – Remarks by Mr Javier Solana, Secretary-General of NATO, at the NATO-WEU Colloquy on 'The European Security and Defence Identity' in Madrid, Spain," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1998/s980504a.htm>.
- 10 "Speech by the Secretary General at the Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly, Amsterdam," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/1999/s991115a.htm>.
- 11 "Remarks by Lord Robertson, NATO Secretary General, at the press conference to mark the first anniversary of the Kosovo air campaign," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s000321a.htm>.
- 12 "Crisis Management: A New Role for NATO' – Speech by the Secretary General at the Marshall Center, Garmisch," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s000914a.htm>.
- 13 "Current Situation in Kosovo," US Department of State, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/106882.htm>.
- 14 "U.S. Recognizes Kosovo as Independent State," US Department of State, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/02/100973.htm>.
- 15 "Kosovo: The Balkans' Moment of Truth?" US Department of State, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/101722.htm>.
- 16 "The Balkans After the Independence of Kosovo and on the Eve of NATO Enlargement," US Department of State, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/102136.htm>.

Д.А. Медведева (2008–2012). В ходе первичного анализа выбранных текстов установлено два магистральных дискурса: а) причины операции России по принуждению Грузии к миру (2), б) независимость Южной Осетии и Абхазии. Наиболее часто встречающимися словами в ИБ являются: «России» (363), «Южной Осетии» (306), «безопасности» (249), «Грузия» (201), «Абхазия» (182), «государство» (182). Первичное кодирование искомым категорий в рамках дискурсов операции России по принуждению Грузии к миру, а также признания независимости Южной Осетии и Абхазии суммировано в Таблице 3.

Таблица 3.

**ПЕРВИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ
PRELIMINARY ENCODING OF THE SEARCHED CATEGORIES**

Дискурс	Объект	Субъект	Категория действия
«принуждение агрессора к миру» (13)	«народ Южной Осетии» (9), «население Южной Осетии» (6) «Абхазии» (3), «абхазы» (25), «осетины» (14)	«агрессор» (11), «режим Саакашвили» (17), «преступный режим» (2), «действия Тбилиси» (8),	«развязал» (5) «геноцид» (22), «преступление» (11), «этнические чистки» (8), «агрессия против (20)», агрессивные действия (5), «гуманитарная катастрофа» (9)
«принуждение агрессора к миру» (13)	«агрессор» (11), «Грузия» (7),	«Россия» (16), «миротворец» (6),	«защита граждан (15), русскоязычного населения (9)», «вынуждены реагировать (4), не могли поступить иначе (2)», «на основе международного права (6)»
«признать независимость Южной Осетии (8) Абхазии (6)»	«новый/молодой субъект международного права» (14)	«Россия» (29)	«вынуждены признать независимость» (8), «единственно возможное решение» (10), «легитимный ответ (1)», «на основе международного права (5)»

Источник: составлено автором на основании работы в ПО *Voyant Tools*.

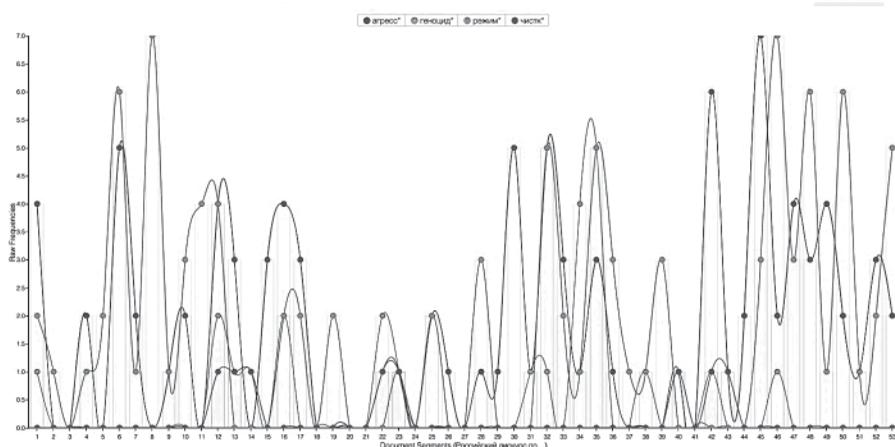
В отличие от анализа западного дискурса в отношении военной операции НАТО и независимости Косово, где ИБ формировалась за период 1998–2008 гг., источники, аккумулированные автором в рамках исследования дискурса России, ограничиваются более узким кругом (2008–2012), ввиду чего проверка временной динамики российского дискурса не показала существенных изменений: на протяжении четырех лет не теряют своей актуальности выражения «агрессор», «режим Саакашвили», «агрессия», «миротворец», «вынуждены (признать независимость) действовать». Так, в самом начале военной операции президент России говорил: «Тем не менее после агрессии и геноцида, которые были развязаны режимом Саакаш-

вили, ситуация изменилась»¹. Спустя три года, давая интервью радиостанции «Эхо Москвы», большую часть радио-эфирного времени которого было посвящено ситуации в Ливии, Д.А. Медведев заявил: «Целью этой операции не был захват Тбилиси или какого-то города. Нужно было просто остановить агрессию, которую развязал Саакашвили»². Это свидетельствует о последовательной, системной аргументации своих действий, выстроенной российской стороной с самого начала августовского кризиса. Также важный фактор в устойчивом распространении по времени схожих языковых приемов объясняется коротким временным промежутком между началом вооруженного конфликта (7 августа) и признанием независимости обеих республик (26 августа), ввиду чего не возникло, как в случае с ИБ по Косово, взрывного роста в частотности употреблений категории «независимость». Тем не менее представляется обоснованным, с научной точки зрения, проследить динамику параллельного употребления выявленных в первичном кодировании категорий, для обоснования системности выдвигаемых российской стороной аргументов, а также того, коррелируют ли выявленные категории в каждом из исследуемых документов.

Для прослеживания такой связи были выбраны наиболее часто встречающиеся слова в искомой матрице (Таблица 3): для действий России по защите населения – «агресс*», «геноцид*», «чистк*», «режим». Для действий России по принуждению к миру – «агрессор*», «вынужден*», «защищать*», «население*». Для действий России по признанию Южной Осетии и Абхазии – «вынужден*», «признать*», «новых», «субъектов*». Для всех трех групп (как показано на Рисунках 4, 5, 6) категорий были установлены подобные корреляции, что говорит о наличии связей между искомыми категориями.

Рисунок 4.

УПОТРЕБЛЯЕМОСТЬ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ ДЛЯ ДИСКУРСА «ПРИНУЖДЕНИЕ АГРЕССОРА К МИРУ» (1) THE USE OF THE SEARCHED CATEGORIES FOR THE DISCOURSE "ENFORCING THE AGGRESSOR TO PEACE" (1)

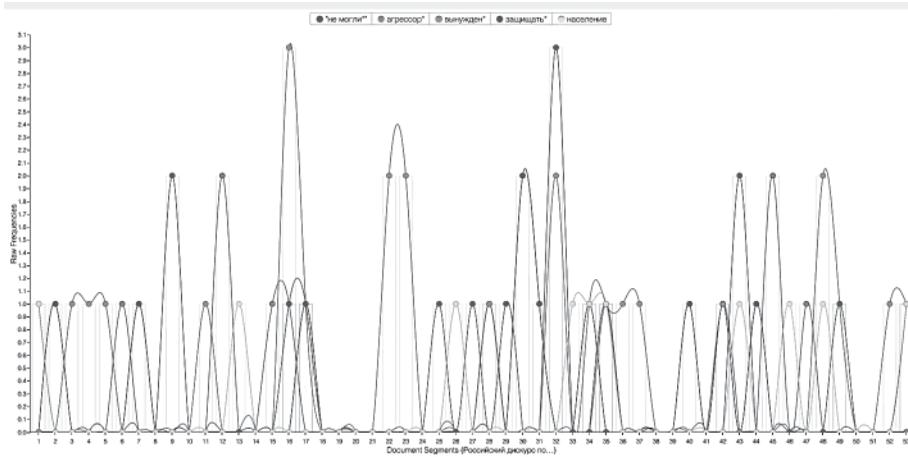

Источник: демонстрация работы автора в ПО Voyant Tools.

- 1 Интервью телеканалу Би би си // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1228> (дата обращения: 26.03.2020).
- 2 У России не было цели свергнуть режим Саакашвили // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <https://ria.ru/20110805/412238572.html> (дата обращения: 26.03.20).

Рисунок 5.

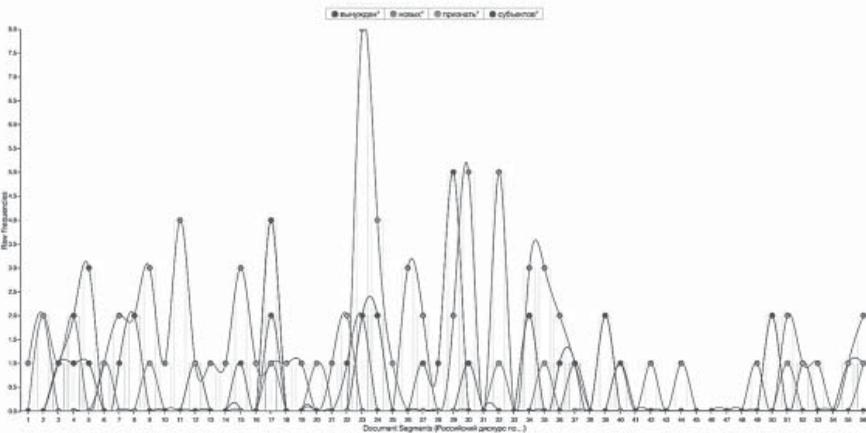
УПОТРЕБЛЯЕМОСТЬ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ ДЛЯ ДИСКУРСА «ПРИНУЖДЕНИЕ АГРЕССОРА К МИРУ» (2)
THE USE OF THE SEARCHED CATEGORIES FOR THE DISCOURSE “ENFORCING THE AGGRESSOR TO PEACE” (2)

Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

Рисунок 6.

УПОТРЕБЛЯЕМОСТЬ ИСКОМЫХ КАТЕГОРИЙ ДЛЯ ДИСКУРСА «ПРИЗНАТЬ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И АБХАЗИИ»
USE OF THE SEARCHED CATEGORIES FOR THE DISCOURSE “TO RECOGNIZE THE INDEPENDENCE OF SOUTH OSSETIA AND ABKHAZIA”

Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

«Смысловая сеть» категорий «Южная Осетия» и «Абхазия» представлена на Рисунке 7.

В рамках интерпретации «смысловой сети» российского дискурса можно с уверенностью сказать, что доминирует понимание Южной Осетии и Абхазии в сильной привязке к их международно-правовому статусу. Они названы государствами, признанными субъектами международного права. Важнейшей целью российской политики наряду с «вынужденным» признанием («Так, например,

наш Президент до того, как мы приняли вынужденное, но единственно возможное решение о признании независимости Южной Осетии и Абхазии по их просьбе и в ответ на обращение нашего Парламента, в ответ на общественное мнение в России»¹⁾ независимости обеих республик является обеспечение их безопасности. Анализ «смысловой сети» также показывает, что в российском дискурсе, в сравнении с международно-правовыми категориями, которыми описывается независимость республик, описание режима Саакашвили не является доминирующими смысловыми единицами. Они уступают любым нарративным единицам о действиях России в отношении республик.

Рисунок 7.

«СМЫСЛОВАЯ СЕТЬ» КАТЕГОРИЙ «ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ» И «АБХАЗИЯ»
THE SEMANTIC WEB OF THE CATEGORIES “SOUTH OSSETIA” AND “ABKHAZIA”

Источник: демонстрация работы автора в ПО *Voyant Tools*.

Итак, проведенный количественный анализ позволяет перейти к анализу образов Южной Осетии и Абхазии, выстраиваемых в российском дискурсе. На основании 54 изученных документов можно утверждать, что образ республик, как и в случае с Косово, распадается на 2 отдельных образа: *народ* (объект гонений, геноцида², этнических чисток³, военных преступлений⁴ режима Саакашвили⁵, страдает от агрессии Саакашвили⁶, борется за независимость⁷), а также *место действий*, *Южная Осетия и Абхазия* (объявили о своей независимости, су-

1 Комментарий Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на выступление Министра иностранных дел Великобритании Д. Милибэнда в Киеве 27 Августа 2008 Года // МИД России. [Электронный доступ]. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/327134 (дата обращения: 20.03.2020).

2 Стенографический отчет о встрече с представителями общественных организаций // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1467> (дата обращения: 14.03.2020).

3 Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, Москва, 13 августа 2008 года // МИД России. [Электронный доступ]. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/328302 (дата обращения: 20.03.2020).

4 Там же.

5 Стенографический отчет о встрече с представителями общественных организаций // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1467> (дата обращения: 28.03.2020).

6 Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам встречи Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Французской Республики Н. Саркози в Майнорфе, Москва, 9 сентября 2008 года // МИД России. [Электронный доступ]. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/325938 (дата обращения: 20.03.2020).

7 Интервью телекомпании «Раша тудей» // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1226> (дата обращения: 29.03.2020).

веренитете¹, являются субъектами международного права², объект агрессивных вылазок³, место, где разворачивается кризис европейской архитектуры безопасности⁴, строят независимые институты⁵).

Заключение

На заседании международного клуба «Валдай» французский государственный деятель и дипломат Д. де Вильпен отметил важную черту современного миропорядка, которой посвящено данное исследование⁶:

Правила также должны толковаться, и это проблема сегодняшнего дня, потому что каждая нация толкует их в свете своего видения, нет какого-то общего толкования. Вот что произошло в Косово, когда случилось вмешательство Запада, основанное на самоопределении. То же самое произошло в Ливии во имя ответственности по защите, которая была использована для смены режима. То же самое произошло в Крыму во имя самоопределения. И, в конце концов, нет согласия, как и кто должен обеспечивать исполнение.

По итогам проведенного анализа можно установить, что образы Южной Осетии и Абхазии в России, а также Косово на Западе имеют сходную нарративную структуру. Во-первых, образы двух искомым субъектов распадаются на два самостоятельных: *население*, страдающее от агрессивных действий режима, а также *территориальное образование*, субъект международного права, заявляющий о своём стремлении к независимости и выстраивании государственных, демократических институтов. Во-вторых, проведенное исследование с ясностью показывает принципиальную схожесть дискурсов Запада и России во времена переломных моментов внешней политики каждого из исследуемых объектов: индикатором «переломного момента» служит тот факт, что в обоих случаях внешнеполитический кризис, на который объекты «вынуждены»⁷ реагировать, воспринимается как часть системного кризиса европейской безопасности или миропорядка. Оба случая признания независимости преподносятся как соответ-

- 1 Выступление на встрече с представителями предпринимательского сообщества // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1401> (дата обращения: 28.03.2020).
- 2 Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров на высшем уровне // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5782> (дата обращения: 23.03.2020).
- 3 Интервью Дмитрия Медведева российским телеканалам // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/news/1276> (дата обращения: 28.03.2020).
- 4 Выступление в Университете Хельсинки и ответы на вопросы аудитории // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/3805> (дата обращения: 28.03.2020).
- 5 Послание Президенту Южной Осетии Эдуарду Кокойты [в связи с первой годовщиной признания Российской Федерацией государственного суверенитета республики] // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/news/5362> (дата обращения: 28.03.2020).
- 6 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46860> (дата обращения: 28.03.2020).
- 7 Запад: "Speech by NATO Secretary General Lord Robertson Saturday Evening Public Lecture 'NATO and the Challenges of the New Millennium,'" News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2001/s010217a.htm>. Россия: Интервью телеканалу Би би си // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1228> (дата обращения: 26.03.2020).

ствующие международному праву¹, тогда как в России «казус Косово»² не признается легитимным, и, наоборот, признание Южной Осетии и Абхазии на Западе воспринимается как нарушение территориальной целостности Грузии³. В обоих случаях буквально одними и теми же категориями описывается предлог начала военных действий: гуманитарная катастрофа, геноцид, этнические чистки.

В данном исследовании автор продемонстрировал феномен игры в интерпретацию, ставший, с нашей точки зрения, своеобразной логикой внешней политики России в исследуемый период. Этот феномен встречается и после 2008 г.: похожие нарративные структуры внешнеполитического дискурса России будут воспроизводиться и в 2011 г., во время ливийской гражданской войны и голосования по вопросу резолюции ООН 1973, и в 2014 г., во время украинского кризиса, которые выходят за рамки предложенного исследования. Обоснование или однозначное опровержение подобной логики предполагает дальнейшие исследования этих сюжетов в контексте внешнеполитических дискурсов России и стран Запада.

- 1 Запад: "Law, Morality and the Use of Force," – Speech by Lord Robertson, NATO Secretary General, at the Institut de Relations Internationales et Stratigiques (IRIS) in Paris," News Room Archive (pre 2008), accessed November 12, 2020, <https://www.nato.int/docu/speech/2000/s000516a.htm>; Россия: Выступление на встрече с представителями предпринимательского сообщества // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1401> (дата обращения: 28.03.2020).
- 2 Интервью телекомпании «Раша тудей» // Президент России. [Электронный доступ]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1226> (дата обращения: 29.03.2020).
- 3 "The Current Situation in Georgia and Implications for U.S. Policy," US Department of State, accessed November 12, 2020, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/109345.htm>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Acharya, Amitav. "How Ideas Spread: Whose Norms Matter? Norm Localization and Institutional Change in Asian Regionalism." *International Organization* 58, no. 02 (2004). <https://doi.org/10.1017/S0020818304582024>.
- Acharya, Amitav. "The R2P and Norm Diffusion: Towards A Framework of Norm Circulation." *Global Responsibility to Protect* 5, no. 4 (2013): 466–79. <https://doi.org/10.1163/1875984X-00504006>.
- Adler, Emmanuel, and Vincent Pouliot. *International Practices. International Practices*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. doi:10.1017/CBO9780511862373.
- Allan, Bentley B., Srdjan Vucetic, and Ted Hopf. "The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects." *International Organization* 72, no. 4 (2018): 839–69. <https://doi.org/10.1017/S0020818318000267>.
- Allison, Roy. "The Russian Case for Military Intervention in Georgia: International Law, Norms and Political Calculation." *European Security* 18, no. 2 (2009): 173–200. <https://doi.org/10.1080/09662830903468734>.
- Allison, Roy. "Russian 'Deniable' Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules." *International Affairs* 90, no. 6 (2014): 1255–97. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12170>.
- Allison, Roy. "Russia and the Post-2014 International Legal Order: Revisionism and Realpolitik." *International Affairs* 93, no. 3 (2017): 519–43. <https://doi.org/10.1093/ia/iix061>.
- Badescu, Cristina G., and Linnea Bergholm. "The Responsibility To Protect and the Conflict in Darfur: The Big Let-Down." *Security Dialogue* 40, no. 3 (2009): 287–309. <https://doi.org/10.1177/0967010609336198>.
- Bannon, Alicia. "The Responsibility to Protect: The U.N. World Summit and the Question of Unilateralism." *Yale Law Journal* 115, no. 5 (2006): 1157–65.
- Bellamy, Alex J. "The Responsibility to Protect and the Problem of Military Intervention." *International Affairs* 84, no. 4 (2008): 615–39. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00729.x>.
- Bellamy, Alex J. "The Responsibility to Protect—Five Years On." *Ethics & International Affairs* 24, no. 2 (2010): 143–69. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2010.00254.x>.
- Bellamy, Alex J., and Paul D. Williams. "The New Politics of Protection? Côte d'Ivoire, Libya and the Responsibility to Protect." *International Affairs* 87, no. 4 (2011): 825–50. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2011.01006.x>.
- Bilder, Richard B., John Dugard, and Audie Klotz. "Norms in International Relations: The Struggle Against Apartheid." *The American Journal of International Law* 91, no. 1 (1997): 198–99. <https://doi.org/10.2307/2954165>.
- Black, Michael L. "The World Wide Web as Complex Data Set: Expanding the Digital Humanities into the Twentieth Century and Beyond through Internet Research." *International Journal of Humanities and Arts Computing* 10, no. 1 (2016): 95–109. <https://doi.org/10.3366/ijhac.2016.0162>.
- Booth, Ken, Tim Dunne, and Michael Cox, eds. *How Might We Live? Global Ethics in the New Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Borgen, Christopher J. "The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia." *Chicago Journal of International Law* 10, no. 1 (2009): 1–33.
- Bowker, Mike. "The War in Georgia and the Western Response." *Central Asian Survey* 30, no. 2 (2011): 197–211. <https://doi.org/10.1080/02634937.2011.570121>.
- Brooks, Stephen G. "Duelling Realisms." *International Organization* 51, no. 3 (August 18, 1997): 445–77. doi:10.1162/002081897550429.
- Braun, Aurel. "Tougher Sanctions Now: Putin? Delusional Quest for Empire." *World Affairs* 177, no. 2 (2014): 34–42. <https://www.jstor.org/stable/43556200%0A>.
- Bulley, Dan. "The Politics of Ethical Foreign Policy: A Responsibility to Protect Whom?" *European Journal of International Relations* 16, no. 3 (2010): 441–61. <https://doi.org/10.1177/1354066109350051>.
- Burgerman, Susan D. "Mobilizing Principles: The Role of Transnational Activists in Promoting Human Rights Principles." *Human Rights Quarterly* 20, no. 4 (1998): 905–23.
- Chandler, David. "Rhetoric without Responsibility: The Attraction of 'Ethical' Foreign Policy." *The British Journal of Politics and International Relations* 5, no. 3 (2003): 295–316. <https://doi.org/10.1111/1467-856X.00108>.
- Chandler, David. "R2P or Not R2P? More Statebuilding, Less Responsibility." *Global Responsibility to Protect* 2, no. 1 (2010): 161–66. <https://doi.org/10.1163/187598410X12602515137617>.
- Corell, Hans. "The United Nations and the Legal Community in Promotion of Human Rights." *Fordham International Law Journal* 21, no. 2 (1997): 519–30.
- Cunliffe, Philip. "The Doctrine of the 'Responsibility to Protect' as a Practice of Political Exceptionalism." *European Journal of International Relations* 23, no. 2 (2017): 466–86. <https://doi.org/10.1177/1354066116654956>.
- Doty, Roxanne Lynn. "Aporia: A Critical Exploration of the Agent-Structure Problematique in International Relations Theory." *European Journal of International Relations* 3, no. 3 (September 24, 1997): 365–92. doi:10.1177/1354066197003003004.
- Dijk, Teun A. van. "Discourse Communication: A New Journal to Bridge Two Fields." *Discourse & Communication* 1, no. 1 (2007): 5–7. <https://doi.org/10.1177/1750481306072182>.
- Dunne, Tim, and Jess Gifkins. "Libya and the State of Intervention." *Australian Journal of International Affairs* 65, no. 5 (2011): 515–29. <https://doi.org/10.1080/10357718.2011.613148>.
- Etzioni, Amitai. "Sovereignty as Responsibility." *Orbis* 50, no. 1 (2006): 71–85. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2005.10.006>.
- Fairclough, Norman. *Critical Discourse Analysis. Critical Discourse Analysis The Critical Study of Language, Second Edition*. London: Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/9781315834368>.
- Finnemore, Martha, and Kathryn Sikkink. "International Norm Dynamics and Political Change." *International Organization* 52, no. 4 (1998): 887–917. <https://doi.org/10.1162/002081898550789>.
- Finnemore, Martha. *The Purpose of Intervention*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Finnemore, Martha. "Constructing Norms of Humanitarian Intervention." In *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*, edited by Peter Katzenstein, 153–85. Columbia University Press, 1996. <http://users.metu.edu.tr/utuba/Finnemore.pdf>.
- Gee, James. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London: Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203809068>.
- Glanville, Luke. "The Antecedents of 'Sovereignty as Responsibility.'" *European Journal of International Relations* 17, no. 2 (2011): 233–55. <https://doi.org/10.1177/1354066109346889>.
- Glanville, Luke. "Does R2P Matter? Interpreting the Impact of a Norm." *Cooperation and Conflict* 51, no. 2 (2016): 184–99. <https://doi.org/10.1177/0010836715612850>.
- Grono, Nick. "Briefing: Darfur: The International Community's Failure to Protect." *African Affairs* 421, no. 105 (2006): 621–31.
- Hobson, Christopher. "Responding to Failure: The Responsibility to Protect after Libya." *Millennium: Journal of International Studies* 44, no. 3 (2016): 433–54. <https://doi.org/10.1177/0305829816640607>.
- Hopf, Ted. "Change in International Practices." *European Journal of International*

- Relations* 24, no. 3 (September 2, 2018): 687–711. doi:10.1177/1354066117718041.
- Ignatieff, Michael. "Human Rights: The Midlife Crisis." *New York Review of Books* 20, (1999): 58–62.
- Ingebritsen, Christine. "Norm Entrepreneurs." *Cooperation and Conflict* 37, no. 1 (2002): 11–23. https://doi.org/10.1177/0010836702037001689.
- Jackson, Robert H. *Quasi-States. Sovereignty, International Relations and the Third World*. Vancouver: University of British Columbia, 1993.
- Jones, Bruce D. "Libya and the Responsibilities of Power." *Survival* 53, no. 3 (2011): 51–60. https://doi.org/10.1080/00396338.2011.586188.
- Jørgensen, Marianne, and Louise Phillips. *Discourse Analysis as Theory and Method. Discourse Analysis as Theory and Method*. United Kingdom: SAGE Publications Ltd., 2002. https://doi.org/10.4135/9781849208871.
- Kaldor, Mary. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. New York: John Wiley & Sons, 2013.
- Kaufmann, Chaim D., and Robert A. Pape. "Explaining Costly International Moral Action: Britain's Sixty-Year Campaign Against the Atlantic Slave Trade." *International Organization* 53, no. 4 (1999): 631–68. https://doi.org/10.1162/002081899551020.
- Keck, Margaret E, and Kathryn Sikkink. *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.
- Khudaykulova, Alexandra V. "Conflict Management in the New Century." *International Trends / Mezhdunarodnye Protssessy* 14, no. 4 (2017). https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5.
- Krasner, Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- Krasner, Stephen D. "Abiding Sovereignty." *International Political Science Review* 22, no. 3 (July 23, 2001): 229–51. doi:10.1177/0192512101223002.
- Neumann, Iver B. "Russia's Standing as a Great Power, 1492–1815." In *Russia's European Choice*, edited by Ted Hopf, 11–34. New York: Palgrave, 2008A.
- Neumann, Iver B. "Russia as a Great Power, 1815–2007." *Journal of International Relations and Development* 11, no. 2. (2008B):128–51.
- Neumann, Iver B., and Vincent Pouliot. "Untimely Russia: Hysteresis in Russian–Western Relations Over the Past Millennium." *Security Studies* 20, no. 1 (2011):105–37.
- Kuperman, Alan J. "A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign." *International Security* 38, no. 1 (2013): 105–36. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00126.
- Laruelle, Marlene. *Russian Nationalism, Foreign Policy and Identity Debates in Putin's Russia New Ideological Patterns after the Orange Revolution*. CA: Ibidem Press, 2012. http://cup.columbia.edu/book/russian-nationalism-foreign-policy-and-identity-debates-in-putins-russia/9783838203256.
- Leeuwen, Theo Van. "The Representation of Social Actors." In *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*, 32–70. New York: Routledge, 1995.
- Leeuwen, Theo Van. "The Visual Representation of Social Actors." In *Discourse and Practice*, 136–48. Oxford: Oxford University Press, 2008. https://doi.org/10.1093/a/cprof:oso/9780195323306.003.0008.
- Luck, Edward C. "The Responsibility to Protect: The First Decade." *Global Responsibility to Protect* 3, no. 4 (2011): 387–99. https://doi.org/10.1163/187598411X603025.
- Mikhelidze, Nona. "After the 2008 Russia-Georgia War: Implications for the Wider Caucasus." *The International Spectator* 44, no. 3 (2009): 27–42. https://doi.org/10.1080/03932720903148807.
- Mills, Kurt. "Reconstructing Sovereignty." In *Human Rights in the Emerging Global Order*, 9–53. London: Palgrave Macmillan UK, 1998. https://doi.org/10.1057/9780230373556_2.
- Morris, Justin. "Libya and Syria: R2P and the Spectre of the Swinging Pendulum." *International Affairs* 89, no. 5 (2013): 1265–83. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12071.
- Mutua, Makau W. "The Ideology of Human Rights." *Virginia Journal of International Law* 36, no. 3 (1996): 589–657.
- Nuruzzaman, Mohammed. "The 'Responsibility to Protect' Doctrine: Revived in Libya, Buried in Syria." *Insight Turkey* 15, no. 2 (2013): 57–67.
- Orford, Anne. *Reading Humanitarian Intervention Human Rights and the Use of Force in International Law*. Melbourne: University of Melbourne, 2003.
- Paris, Roland. "The 'Responsibility to Protect' and the Structural Problems of Preventive Humanitarian Intervention." *International Peacekeeping* 21, no. 5 (2014): 569–603. https://doi.org/10.1080/13533312.2014.963322.
- Posner, Michael. "Foreword: Human Rights and Non-Governmental Organizations on the Eve of the Next Century." *Fordham Law Review* 66, no. 2 (1997): 627–30.
- Price, Richard. "Reversing the Gun Sights: Transnational Civil Society Targets Land Mines." *International Organization* 52, no. 3 (1998): 613–44. Accessed November 13, 2020. http://www.jstor.org/stable/2601403.
- Pouliot, Vincent. "The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities." *International Organization* 62, no. 2 (2008): 257–88. https://doi.org/10.1017/S0020818308080090.
- Pouliot, Vincent. *International Security in Practice. International Security in Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. https://doi.org/10.1017/CBO9780511676185.
- Pouliot, Vincent, and Jérémie Cornut. "Practice Theory and the Study of Diplomacy: A Research Agenda." *Cooperation and Conflict* 50, no. 3 (September 13, 2015): 297–315. doi:10.1177/0010836715574913.
- Quinton-Brown, Patrick. "Mapping Dissent: The Responsibility to Protect and Its State Critics." *Global Responsibility to Protect* 5, no. 3 (2013): 260–82. https://doi.org/10.1163/1875984X-00503003.
- Rosenkrance, Richard. *Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. London: Basic Books, 1987.
- Ruggie, John Gerard. "What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge." *International Organization* 52, no. 4 (1998): 855–85. https://doi.org/10.1162/002081898550770.
- Sakwa, Richard. "Dualism at Home and Abroad: Russian Foreign Policy Neo-Revisionism and Bicontinentalism." In *Russia's Foreign Policy*, 65–79. London: Palgrave Macmillan UK, 2015A. https://doi.org/10.1057/9781137468888_5.
- Sakwa, Richard. "Power, Politics and Confrontation in Eurasia." Edited by Roger E. Kanet and Matthew Sussex. *Power, Politics and Confrontation in Eurasia: Foreign Policy in a Contested Region*. London: Palgrave Macmillan UK, 2015B. https://doi.org/10.1007/978-1-137-52367-9.
- Smith, Karen, and Margot Light. *Ethics and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Stedman, Stephen J. "UN Transformation in an Era of Soft Balancing." *International Affairs* 83, no. 5 (2007): 933–44. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2007.00663.x.
- Stefan, Cristina G. "On Non-Western Norm Shapers: Brazil and the Responsibility While Protecting." *European Journal of International Security* 2, no. 1 (2017): 88–110. https://doi.org/10.1017/eis.2016.18.
- Tang Abomo, Paul. "The Responsibility to Protect: The History of a Growing Norm." In *R2P and the US Intervention in Libya*, 7–38. Cham: Springer International Publishing, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-319-78831-9_2.
- Tannenwald, Nina. "The Nuclear Taboo: The United States and the Normative Basis of Nuclear Non-Use." *International Organization* 53, no. 3 (1999): 433–68. https://doi.org/10.1162/002081899550959.
- Thakur, Ramesh, and Thomas Weiss. "R2P: From Idea to Norm—and Action?" *Global Responsibility to Protect* 1, no. 1 (2009): 22–53. https://doi.org/10.1163/187598409X405460.
- Tuathail (Gerard Toal), Gearóid Ó. "Russia's Kosovo: A Critical Geopolitics of the August 2008 War over South Ossetia." *Eurasian Geography and Economics* 49, no. 6 (2008): 670–705. https://doi.org/10.2747/1539-7216.49.6.670.
- Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. London: Addison-Wesley Publishing, 1979.
- Weiss, Thomas G. "Principles, Politics, and Humanitarian Action." *Ethics & International Affairs* 13 (March, 1999): 1–22. https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1999.tb00322.x.

Weldes, Jutta. *Cultures of Insecurity: States, Communities, and the Production of Danger*. University of Minnesota Press, 2001. <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.3.714>.

Welsh, Jenifer. "The Responsibility to Protect: Dilemmas of a New Norm." *Current History* 111, no. 748 (2012): 291–98.

Welsh, Jennifer. "Civilian Protection in Libya: Putting Coercion and Controversy Back into RtoP." *Ethics & International Affairs* 25, no. 3 (2011): 255–62. <https://doi.org/10.1017/S0892679411000207>.

Welsh, Jennifer M. "Norm Contestation and the Responsibility to Protect." *Global Responsibility to Protect* 5, no. 4 (2013): 365–96. <https://doi.org/10.1163/1875984X-00504002>.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 1999. doi:10.1017/CBO9780511612183.

Williams, Paul D., and Alex J. Bellamy. "Principles, Politics, and Prudence: Libya, the Responsibility to Protect, and the Use of Military Force." *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations* 18, no. 3 (2012): 273–97. <https://doi.org/10.1163/19426720-01803003>.

Yost, David S. "The Budapest Memorandum and Russia's Intervention in Ukraine." *International Affairs* 91, no. 3 (2015): 505–38. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12279>.

Zähringer, Natalie. "Norm Evolution within and across the African Union and the United Nations: The Responsibility to Protect (R2P) as a Contested Norm." *South African Journal of International Affairs* 20, no. 2 (2013): 187–205. <https://doi.org/10.1080/10220461.2013.811336>.

Zimmermann, Lisbeth. "Same Same or Different? Norm Diffusion Between Resistance, Compliance, and Localization in Post-Conflict States." *International Studies Perspectives* 17, no. 1 (2016): 98–115. <https://doi.org/10.1111/insp.12080>.

Фомин, И.В. Возможности Структурного Исследования Образов в Политических Дискурсах // Политическая Наука. – 2012. – № 2 – С. 237–50. [Fomin, Ivan V. "Structural Research of Images in Political Discourses." [Vozmozhnosti Strukturnogo Issledovaniya Obrazov v Politicheskikh Diskursakh] *Political Science* 1, no. 2 (2012): 237–50] [In Russian].

Фомин, И.В. Образы Южной Осетии и Косова в Российском Внешнеполитическом Дискурсе // Политика. Анализ. Хроника. – 2014. – Том. 72, №1. – С. 128–43. [Fomin, Ivan V. "Images of South Ossetia and Kosovo in Russian foreign policy discourse." [Obrazy Yuzhnoy Osetii i Kosova v Rossijskom Vneshnepoliticheskom Diskurse] *Polity. Analysis. Chronicle. Forecast* 72, no.1 (2014): 128–43] [In Russian].

Автор

Никита Яковлевич Неклюдов,

соискатель, эксперт Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России,
пр-т Вернадского, 76. 119454.

e-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0003-1240-4339

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27 октября 2020. Принята к публикации: 8 декабря 2020.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-78-10159)

Благодарности

Автор выражает благодарность А.В. Худайкуловой, без научного руководства которой этого проекта не получилось бы, Т.А. Алексеевой – за отдельные комментарии.

Отдельная благодарность И.В. Фомину и Н.Ю. Силаеву за их комментарии на всех этапах работы над проектом.

Автор благодарит двух анонимных рецензентов за их ценные и точные комментарии, которые пошли на пользу исследованию.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Для цитирования

Неклюдов, Н.Я. Обреченные на интерпретацию: Россия, НАТО и военно-политические кризисы постбиполярного миропорядка // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (3). – С. 35–60
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-35-60>

Bound to Interpret: Russia, NATO, and the Military–Political Crises in the Post–Cold War Order

ABSTRACT

The study of Russia's foreign policy poses something of a paradox. On the one hand, Russia's actions are viewed as aimed at revising the existing rules-based order built by the end of the Cold War. On the other hand, on numerous occasions, one pinpoints that Russia has devised a language similar to the Western nations to justify its foreign policy. I call the phenomenon that explains this paradox the game of interpretation. The article illustrates how Russia is engaged in the game of interpretation with the West in the post-Cold War order by Russia's appliance to the norm of humanitarian interventions. By analyzing the Russian discourse during the Russo-Georgian War (2008), I demonstrate how the Russian foreign policy leadership reproduces similar narrative patterns used by the West during the Kosovo War (1999). Exemplifying the game of interpretation by humanitarian interventionism is not accidental. Humanitarian interventionism is studied in the literature as being characteristic of the Western 'ethical foreign policy' originated by the end of the Cold War, with Russia being depicted as either skeptical or as an unequivocal opponent of such an approach in world politics. Methodologically, the work builds on quantitative and qualitative analysis of selected texts compiled from the archives of NATO and the US State Department, as well as the website "Kremlin.ru" and the website of the Russian Foreign Ministry.

KEYWORDS

Russia, NATO, humanitarian interventionism, the game of interpretation, discourse analysis

Author

Nikita N. Neklyudov,

PhD student, expert, Institute for International Studies, MGIMO University,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454.

e-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0003-1240-4339

Additional information

Received: October 27, 2020. Accepted: December 8, 2020.

Funding

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation
(project no. 20-78-10159)

Acknowledgments

I thank A. Khudaykulova, without whose scientific guidance this project would not have been possible and T. Alekseeva for her valuable comments. Special thanks to I. Fomin and N. Silaev for their comments at all stages of the project. The author would like to thank two anonymous reviewers for their valuable and accurate comments that have benefited the research.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Neklyudov, Nikita Ya. "Bound to Interpret: Russia, NATO, and the Military-Political Crises in the Post-Cold War Order."

Journal of International Analytics 11, no. 3 (2020): 35–60.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-35-60>